

General Editor: Andreas Umland,
Kyiv-Mohyla Academy, umland@stanfordalumni.org

Editorial Assistant: Olena Sivuda, *Drahomanov Pedagogical University of Kyiv*, SLS6255@ku-eichstaett.de

EDITORIAL COMMITTEE*

DOMESTIC & COMPARATIVE POLITICS

Prof. **Ellen Bos**, *Andrássy University of Budapest*
Dr. **Ingmar Bredies**, *University of Regensburg*
Dr. **Andrey Kazantsev**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Dr. **Heiko Pleines**, *University of Bremen*
Prof. **Richard Sakwa**, *University of Kent at Canterbury*
Dr. **Sarah Whitmore**, *Oxford Brookes University*
Dr. **Harald Wydra**, *University of Cambridge*

SOCIETY, CLASS & ETHNICITY

Col. **David Glantz**, *"Journal of Slavic Military Studies"*
Dr. **Marlène Laruelle**, *Johns Hopkins University*
Dr. **Stephen Shulman**, *Southern Illinois University*
Prof. **Stefan Troebst**, *University of Leipzig*

POLITICAL ECONOMY & PUBLIC POLICY

Prof. em. **Marshall Goldman**, *Wellesley College, Mass.*
Dr. **Andreas Goldthau**, *Central European University*
Dr. **Robert Kravchuk**, *University of North Carolina*
Dr. **David Lane**, *University of Cambridge*
Dr. **Carol Leonard**, *University of Oxford*
Dr. **Maria Popova**, *McGill University, Montreal*

ADVISORY BOARD*

Prof. **Dominique Arel**, *University of Ottawa*
Prof. **Jörg Baberowski**, *Humboldt University of Berlin*
Prof. **Margarita Balmaceda**, *Seton Hall University*
Dr. **John Barber**, *University of Cambridge*
Prof. **Timm Beichelt**, *European University Viadrina*
Dr. **Katrin Boeckh**, *University of Munich*
Prof. em. **Archie Brown**, *University of Oxford*
Dr. **Vyacheslav Bryukhovetsky**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Prof. **Timothy Colton**, *Harvard University, Cambridge*
Prof. **Paul D'Anieri**, *University of Florida*
Dr. **Heike Dörrenbächer**, *Naumann Foundation Kyiv*
Dr. **John Dunlop**, *Hoover Institution, Stanford, California*
Dr. **Sabine Fischer**, *EU Institute for Security Studies*
Dr. **Geir Flikke**, *NUPI, Oslo*
Dr. **David Galbreath**, *University of Aberdeen*
Prof. **Alexander Galkin**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Frank Golczewski**, *University of Hamburg*
Dr. **Nikolas Gvosdev**, *Naval War College, Newport, RI*
Prof. **Mark von Hagen**, *Arizona State University*
Dr. **Guido Hausmann**, *University of Freiburg i.Br.*
Prof. **Dale Herspring**, *Kansas State University*
Dr. **Stefani Hoffman**, *Hebrew University of Jerusalem*
Prof. **Mikhail Ilyin**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Prof. **Vladimir Kantor**, *Higher School of Economics*
Dr. **Ivan Katchanovski**, *University of Ottawa*
Prof. em. **Andrzej Korbonski**, *University of California*
Dr. **Iris Kempe**, *Heinrich Boell Foundation Tbilisi*
Prof. **Herbert Küpper**, *Institut für Ostrecht Regensburg*
Dr. **Rainer Lindner**, *CEEER, Berlin*
Dr. **Vladimir Malakhov**, *Russian Academy of Sciences*

FOREIGN POLICY & INTERNATIONAL AFFAIRS

Dr. **Peter Duncan**, *University College London*
Dr. **Taras Kuzio**, *Johns Hopkins University*
Prof. **Gerhard Mangott**, *University of Innsbruck*
Dr. **Diana Schmidt-Pfister**, *University of Konstanz*
Dr. **Lisbeth Tarlow**, *Harvard University, Cambridge*
Dr. **Christian Wipperfürth**, *N-Ost Network, Berlin*
Dr. **William Zimmerman**, *University of Michigan*

HISTORY, CULTURE & THOUGHT

Dr. **Catherine Andreyev**, *University of Oxford*
Prof. **Mark Bassin**, *Södertörn University*
Prof. **Karsten Brüggemann**, *Tallinn University*
Dr. **Alexander Etkind**, *University of Cambridge*
Dr. **Gasán Gusejnov**, *Moscow State University*
Prof. em. **Walter Laqueur**, *Georgetown University*
Prof. **Leonid Luks**, *Catholic University of Eichstaett*
Dr. **Olga Malinova**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Andrei Rogatchevski**, *University of Glasgow*
Dr. **Mark Tauger**, *West Virginia University*
Dr. **Stefan Wiederkehr**, *BBAW, Berlin*

Dr. **Luke March**, *University of Edinburgh*
Prof. **Michael McFaul**, *US National Security Council*
Prof. **Birgit Menzel**, *University of Mainz-Germersheim*
Prof. **Valery Mikhailenko**, *The Urals State University*
Prof. **Emil Pain**, *Higher School of Economics, Moscow*
Dr. **Oleg Podvintsev**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Olga Popova**, *St. Petersburg State University*
Dr. **Alex Pravda**, *University of Oxford*
Dr. **Erik van Ree**, *University of Amsterdam*
Dr. **Joachim Rogall**, *Robert Bosch Foundation Stuttgart*
Prof. **Peter Rutland**, *Wesleyan University, Middletown*
Prof. **Marat Salikov**, *The Urals State Law Academy*
Dr. **Gwendolyn Sasse**, *University of Oxford*
Prof. **Jutta Scherrer**, *EHESS, Paris*
Prof. **Robert Service**, *University of Oxford*
Mr. **James Sherr**, *RIA Chatham House London*
Dr. **Oxana Shevel**, *Tufts University, Medford*
Prof. **Eberhard Schneider**, *University of Siegen*
Prof. **Olexander Shnyrkov**, *Shevchenko University, Kyiv*
Prof. **Hans-Henning Schröder**, *University of Bremen*
Prof. **Yuri Shapoval**, *Ukrainian Academy of Sciences*
Prof. **Viktor Shnirelman**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Lisa Sundstrom**, *University of British Columbia*
Dr. **Philip Walters**, *"Religion, State and Society," Oxford*
Prof. **Zenon Wasyliw**, *Ithaca College, New York State*
Dr. **Lucan Way**, *University of Toronto*
Dr. **Markus Wehner**, *"Frankfurter Allgemeine Zeitung"*
Dr. **Andrew Wilson**, *University College London*
Prof. **Jan Zielonka**, *University of Oxford*
Prof. **Andrei Zorin**, *University of Oxford*

* While the Editorial Committee and Advisory Board support the General Editor in the choice and improvement of manuscripts for publication, responsibility for remaining errors and misinterpretations in the series' volumes lies with the books' authors.

SOVIET AND POST-SOVIET POLITICS AND SOCIETY

ISSN 1614-3515

Edited by Dr. Andreas Umland

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Под редакцией
Марлен Ларюэль

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available in the Internet at <http://dnb.d-nb.de>.

Coverpicture: Paintings of Stalin, the Rodina-Mat' monument in Volgograd and Putin on sale on the streets of Moscow. Photograph by © Galina Kozhevnikova, 2006.

Dieser Titel ist als Printversion im Buchhandel
oder direkt bei *ibidem* (www.ibidem-verlag.de) zu beziehen unter der

ISBN 978-3-89821-795-8.

∞

ISSN: 1614-3515

ISBN-13: 978-3-8382-5795-2

© *ibidem*-Verlag
Stuttgart 2012

Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in or introduced into a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means (electronical, mechanical, photocopying, recording or otherwise) without the prior written permission of the publisher. Any person who does any unauthorized act in relation to this publication may be liable to criminal prosecution and civil claims for damages.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Размышления на тему «русский национализм»

как предмет исследования

Марлен ЛАРЮЭЛЬ

7

I РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: УДЕЛ МАРГИНАЛОВ ИЛИ МЭЙНСТРИМ?

Дискурс государственной нации в современной России

Галина ЗВЕРЕВА

15

Патриотизм как национализм (пост)советского человека

Виктор ВОРОНКОВ, Оксана КАРПЕНКО

81

II РАЗНООБРАЗИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ НАЦИОНАЛИЗМА

Три разновидности постсоветского фашизма.

Концептуальные и контекстуальные проблемы

интерпретации современного русского

ультранационализма

Андреас УМЛАНД

129

Церковный проект российской идентичности

Александр ВЕРХОВСКИЙ

171

Спорт и политика: футбол как национальная

идея в современной России

Дмитрий ДУБРОВСКИЙ

189

III ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И НАЦИОНАЛИЗМ

Цивилизационный подход как национальная идея
Виктор ШНИРЕЛЬМАН 217

Метаисторическая матрица державной ренты:
политикоэкономические особенности
академической национальной идеи
Александр Никулин, Ирина ТРОЦУК 249

Особенности националистического дискурса
в современной литературной критике
Наталья ИВАНОВА 274

IV ПАТРИОТИЧЕСКИЙ МЕССЕДЖ В КИНО И НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Курс на патриотизм и ответ российского кинематографа
в 2000-е годы. Новые бюджеты, новые жанры,
новые фильмы о войне
Юлия ЛИДЕРМАН 289

Телевизионные праздничные концерты: риторика
государственного национализма
ВЕРА ЗВЕРЕВА 318

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 337

ABSTRACT IN ENGLISH 339

ВВЕДЕНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ «РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Марлен ЛАРЮЭЛЬ

Исследователь, размышляющий о национализме, должен начать с дефиниции наблюдаемого феномена. Национализм называли «завуалированным», «многоликим» или «комплексным» но за этими определениями зачастую скрывается банальное отсутствие инструментария для анализа явления. Тем не менее, мы не будем стремиться сразу же предложить своё определение национализма, и вот почему: мы (вслед за Тагиевым) полагаем, что основная функция дефиниции — служить рабочим инструментом и что, предложив чересчур жёсткую дефиницию ещё до начала работы, мы, тем самым, предполагаем, что «существо» изучаемого феномена нам уже каким-то образом известно. Если же мы не будем предавать чрезмерного значения терминологии, то можно надеяться, что эмпирическое исследование может оказать благотворное влияние на развитие теории¹. Таким образом, «национализм» — это не *«объяснительная теория, но глобальный нормативный концепт, служащий основой для интерпретации целой серии объяснительных гипотез.»*² В качестве отправной точки исследования мы примем широкую интерпретацию, предложенную Лавровым, согласно которой национализм — это *«система мышления, в которой идея нации преоблада-*

1 Taguieff P.-A. L'illusion populiste. Paris: Berg International, 2002. P. 77-106.

2 Backes U. L'extreme droite: les multiples facettes d'une catégorie d'analyse // Les croisés de la société fermée. L'Europe des extremes droites / Ed. P. Perrineau. La Tour d'Aigues: Editions De l'Aube, 2001. P. 24.

ет»³. Степень «преобладания» как раз и является одним из предметов обсуждения, а также объектом классификации в данном сборнике, поскольку считается, что в националистической риторике идея нации представляет собой нечто большее, чем свойственное многим людям обыкновенное чувство национальной принадлежности. Если в некоторых статьях данного сборника национализм рассматривается как «система мышления», то в других делается упор на национализм как на политическое явление, которое, согласно формуле Поля Задавского, «превращает стремление к сохранению идентичности в средство политической борьбы»⁴.

В этом сборнике рассматривается в первую очередь «национализм националистов», то есть тех, кто сам себя так называет. Дефиниция принадлежит Жану Тушару, который отличает сознательный национализм от простого «житейского» национализма⁵. Мы, разумеется, не будем здесь утверждать, что один национализм можно отделить от другого: их приходится различать просто потому, что приступая к исследованию любого объекта его нужно ограничить какими-то рамками, пускай и искусственным образом, и что подобное ограничение — цена, которую мы платим за ясность. Но при этом мы вовсе не стремимся придать термину «национализм националистов» полемическую или пейоративную окраску. Этот национализм может быть также назван «радикальным», поскольку, когда требуется определить, что такое Россия, он выдвигает на первый план именно национальную тематику и поскольку он отстаивает эксклюзивность национальной принадлежности. Так, например, П.-А. Тагиев отмечает, до какой степени эта, как он пишет «*нормативная теория самозащиты идентичности*»⁶ позволяет сделать выбор среди нескольких противоречивых концепций верности и установить их иерархию. Тем не менее, мы не будем ограничивать свои занятия одним лишь «национализмом националистов». Многие предлагаемые

3 Lavroff D.G. Histoire des idées politiques depuis le XIXe siècle. Paris: Dalloz, 1991. P. 116.

4 Zawadski P. Les populismes en Pologne // Le retour du populisme / Ed. P.-A. Taguieff. Paris: Universalis, 2004. P. 67.

5 Прочитировано в ст.: Taguieff P.-A. Le nationalisme des nationalistes. Un problème pour l'histoire des idées politiques // Les théories du nationalisme. Nation, nationalité, ethnicité / Ed. G. Delannoi, P.-A. Taguieff. Paris: Kimé, 1991. P. 49.

6 Ibid. P. 67.

здесь вашему вниманию статьи посвящены общественным явлениям, более общим чем институционализированный национализм, и весьма репрезентативным для понимания эволюции современного российского общества.

Вторая методологическая проблема этого сборника касается объёма самого понятия национализма. Мы не собираемся исключать из рассмотрения так называемые «имперские» или «государственнические» течения, как это не раз предлагалось в работах некоторых западных авторов. И прежде всего потому, что слово «нация», лежащее в основе слова «национализм», может отсылать и к этническому и к политическому сообществу. Этноцентризм и национализм — не синонимы, поскольку первый может быть, а может и не быть составной частью второго. Кроме того потому, что хотя российская националистическая традиция и находится отчасти под влиянием немецкой и центрально-европейской модели, в которой культурное единство нации не зависит от политического устройства, она этой моделью отнюдь не ограничивается. В России существует глубокая государственническая традиция, основанная на верности династии Романовых, и, кроме того, традиция, основанная на идеологии верности советскому государству. Поэтому сторонники государственнического, а не этнического подхода к определению нации принадлежат к давней и влиятельной российской традиции, отказываться от рассмотрения которой нет никакого резона, тем более что в настоящее время её поддерживает и российская власть.

Феномен национализма всегда рассматривался с самых разных точек зрения, которые можно схематично разделить на две большие категории — примордиалистскую и конструктивистскую. Данная работа относится ко второй категории, поскольку в ней с самого начала подвергается сомнению единство изучаемого явления и содержится напоминание о его сконструированном характере: идентичность не абсолютна, она не есть нечто незыблемое, но создаётся людьми. Она всё время подвергается переработке и обслуживается самыми разными символами и конструкциями, изменяющимися во времени. Конструктивистский подход учитывает также и то, что в Советском Союзе была институционализирована коллективная идентичность и национальному фактору была придана роль социального маркера. Таким образом, режим стро-

ился, не считая небольших перерывов в тридцатых годах, на базе «позитивной дискриминации» национальных меньшинств, предоставляя им в зависимости от воли властей национальную идентичность, территорию, а также особые административные и культурные права. Эта институционализация способствовала превращению национализма в инструмент борьбы за власть и отчасти объясняет удивительную, — но только на первый взгляд, — способность элит переходить от советской марксистско-ленинской риторики к речам, направленным на защиту национальных и/или этнических интересов.

Эта инструменталистская точка зрения позволяет также не впасть в дискуссию, совершенно в данном случае бесполезную, по поводу того, является ли русский советский и постсоветский национализм ответом на национализм других народов СССР или Российской Федерации или же, наоборот, их вдохновителем и предшественником. Вопрос об ответном характере русского национализма предполагает, что он был естественной реакцией на национализм других народов, живущих в той же стране, тогда как на самом деле все интересующие нас народы испытали на себе действие схожих политических и социальных процессов. Все националисты, как русские так и нерусские, полагали, что интернационалистская власть отбирает у них те или иные права. Так что важно не выяснять «кто первый начал», но отметить, что, подобно национализму своих соседей, русский национализм имеет двойственные отношения с тем, что все остальные считают доминированием русских и русского государства. У него наблюдаются те же «симптомы национального меньшинства» и та же идеализация народа-жертвы, что и у прочих, причём эти последние недовольны тем, что русские, благодаря своей многочисленности, получили ряд преимуществ по сравнению с остальными.

Современный русский национализм вовсе не «архаичен», наоборот, он является выражением новой российской реальности. Он иллюстрирует процессы социальной автодевалоризации, имеющие массовый характер по всей стране по причине быстрых изменений, произошедших за последние двадцать лет и в этом качестве может быть возведён в ранг рупора «оставшихся за бортом» модернизации в её постсоветском варианте. Однако в среде элиты он также открыто заявляет о себе как о постматериалистическом течении, заявляет о том, что современный мир

нуждается в самоидентификации, коллективности и религиозности и считает себя политическим ответом на глобальную эволюцию европейского общества. В такой ситуации встаёт вопрос об «интернационализме» русского национализма: пытается ли он перейти от национальных рамок к общеевропейским подобно национализму в некоторых европейских странах или же замыкается на себя? Означает ли мода на слово Евразия среди национальной элиты желание ослабить транснациональный аспект и повернуться лицом не к Европе, но к бывшим советским народам в поисках постсоветского «националистического интернационала»?

Заимствование у Запада не представляет для России ничего нового: славянофильское движение 1820—1840 также считало своей задачей импортировать в страну национальное чувство, забывая о его немецком происхождении и просто превратив слово Просвещение в слово «Запад», а слово романтизм в «Россию». Таким образом для русского национализма начиная с XIX века было характерно ощущение превосходства Европы, причём это превосходство сопровождалось неприязнью⁷, поскольку русским казалось, что со времён петровских реформ российская цивилизация развивается без оглядки на самих россиян. Поэтому русский национализм одновременно «*и подражает Западу и конкурирует с ним*»⁸. Он также, сам того не желая, показывает, до какой степени сегодняшняя Россия участвует в жизни Европы: её популистски ориентированные политики, её неонацистские группировки и её идентитарные тики, в основе которых лежит тоска по ушедшей эпохе и страх перед переменами, связанными с грядущей «глобализацией», привязывают её к Европе и заставляют её жить теми же заботами, что и другие европейские страны, признают это националисты или нет.

Это безотчётное европейство проявляется и в лексике национализма. Например, популизм называется *народничеством*, когда речь идёт о XIX веке, (то есть используется русское слово), но как только речь заходит о нашем времени, употребляется заимствованное слово

7 Angenot M. Les idéologies du ressentiment. Montréal: XYZ, 1997.

8 Формулировка принадлежит Паламенацу (J. Plamenatz). Цит по: Jaffrelot C. Les modèles explicatifs de l'origine des nations et du nationalisme. Revue critique // Les théories du nationalisme. P. 167.

популизм. Точно так же обстоит дело и с «патриотизмом»: хотя в русском языке, как и в немецком, имеются два слова для обозначения родной страны, в одном из которых акцент делается на место рождения (*родина*), а в другом — на связь родной страны со страной отца (*отечество*), для обозначения современных радикальных течений употребляется слово *патриотизм*, и сторонники этих течений называют себя *патриотами*. Похоже, что и тут даёт о себе знать влияние запада, поскольку «патриотизм» звучит более респектабельно и не столь радикально. Термин патриотизм был выдвинут на первый план русскими националистами с целью предложить властям, которые тоже находились в поисках советского «патриотизма», возможность сотрудничества, не отягощённого конкуренцией. Отметим, наконец, что националистические круги пытаются присвоить мало употребительный в русском языке термин «*нация*»: когда речь идёт о *русской нации*, а не о более традиционном словосочетании «*русский народ*», то обычно предполагается этнический, можно сказать расовый подход к данному людскому сообществу, тогда как термин *народ* предполагает все мыслимые определения народа — и как демоса и как этноса.

Национализм во всех значениях этого слова можно сегодня рассматривать как «наименьший из общих деноминаторов» российской общественной жизни: все представленные в Думе политические формирования в той или иной форме заявляют о своём национал-патриотизме и немалая часть русского общества предаётся размышлениям о своей национальной идентичности и чувствует потребность в утверждении русского могущества. Если так, то является ли радикальный национализм таким же политическим течением как другие, свойственно ли ему единство несмотря на видимый разброс во взглядах его приверженцев? Одна из целей этого анализа заключается в том, чтобы показать те аспекты явления, которые следует считать маргинальными, и те, которые куда менее маргинальны: что касается доктрин и идентитарных аргументов, то русский радикальный национализм достаточно широко распространён и имеет широкую и влиятельную аудиторию. Так, схожие упоминания — определение России как евразийской империи, восхваление дохристианского прошлого славян, ностальгия по советскому могуществу, чувство принадлежности к особой православной «цивилизации» — могут

разделяться как небольшими радикальными группировками так и «политкорректными» движениями, входящими в государственные институты.

При помощи этого анализа мы надеемся показать, что изучение современного русского «национализма» не может ограничиться типологической классификацией различных партий и группочек, указанием их места на политической шахматной доске и завоёванных ими голосов избирателей: этот этап исследований, конечно, необходим, но пришла пора двигаться дальше. Феномен национализма может быть понят во всём своём многообразии и объёме только если мы примем также во внимание его проникновение в смежные области: процесс принятия властных решений, интеллектуальную и религиозную жизнь, маргинальную молодёжную культуру, общее чувство неудовлетворённости перед лицом Запада и т.д. И тогда как в девяностые годы исследователи занимались в основном изучением националистических партий, эволюция путинской России приглашает обратить свой взор на три основных элемента, которые филигранно изучаются в данном сборнике: рождение официальной патриотической идеологии и присвоение путинской властью некоторых элементов доктрины русского национализма; необыкновенно широкое распространение в обществе ксенофобских чувств и рост насилия по отношению к приезжающим с юга и измученным напряжённостью на Кавказе «чужакам»; распространение в кругах художественной и научной интеллигенции националистических взглядов касательно истории и культуры, которые больше не воспринимаются как радикальные или маргинальные и стали практически общественной нормой для сегодняшней России.

Национализм действительно не является маргинальным явлением, но интерактивным процессом, главная функция которого — объединить различных индивидуумов и легитимизировать выбор элит, гарантируя при этом единство общества в период значительных потрясений. Так, электоральная «нормализация» национализма, которая продолжается уже несколько лет, сопровождается расширением его идеологической территории в структурах государственной власти. Поэтому возможно, что нынешние властные структуры считают национализм необходимым элементом модернизации России и, как это не покажется сначала пара-

доксальным, формой некоторой вестернизации. Разработка официальной националистической идеологии в путинской России показывает, таким образом, до какой степени «глобализация», истинная или воображаемая, совсем не обязательно означает переход к «пост-национальному» периоду.

(Перевод с французского Е. Дюшен)

I РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: УДЕЛ МАРГИНАЛОВ ИЛИ МЭЙНСТРИМ?

ДИСКУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Галина ЗВЕРЕВА

В статье обсуждаются способы концептуализации «национальной идеи» и формирования дискурса «государства—нации» в публичном пространстве современной России. Поля производства такого дискурса взаимосвязаны, сплетены в сети, подпитывают друг друга. Его продвижение и потребление в обществе осуществляются с помощью властно-административного, научно-образовательного, публично-политического, информационно-медийного ресурсов. Изучение дискурсивных приемов создания «государства-нации» позволяет выявить техники конструирования матрицы политического управления в постсоветской России. Основной тезис статьи состоит в том, что дискурсивные практики государственно-национального строительства, обусловленные прагматическими потребностями укрепления «вертикали» федеральной власти, выстраиваются под определяющим воздействием концепций этнического национализма.

1 Феномен этнического национализма в постсоветском российском обществе

Слова *нация*, *национальное* и производные от них занимают важное место в современном российском общественно-политическом лексиконе. Объем содержания их значений по большей части «измеряется» с помощью эссенциалистски понимаемых понятий *этнос* и *этническое*. *Нация* занимает высшее место в терминологической иерархии форм «этнонациональных» социально-исторических общностей, учрежденных советским обществознанием и актуальных по сей день (*нация*, *народ-*

ность, коренной народ, национальное меньшинство и т. п.). Другое значение слова *нация* — политическое и гражданское, — доминирующее в современном мире, усваивается в общественном языковом обиходе России трудно и противоречиво.

Идея *нации* как монолитной этнической субстанции является важным структурообразующим элементом при конструировании различных форм этнического национализма. Она служит важным инструментом социальной коммуникации, обмена привычными знаками и символами в бытовом общении для обозначения групповой солидарности.

В современной России этнический национализм представляет собой подвижный конгломерат стереотипных ментальных установок, которые воспроизводятся в дискурсивных практиках и социальном поведении разных общественных групп. В этом своде установок и практик значительное место занимает русский этнический национализм, основной единицей дискурса которого является стереотипная оппозиция «мы» — «они».

«Мы» — русские «по рождению», языку, культуре, истории, территории. «Они» — «нерусские» (инородцы), «приезжие», мигранты, и — шире, включая культурно-географический компонент, — это «Кавказ», «Запад», «Европа», «Америка». Установки такого рода нередко переводятся в радикальные высказывания о необходимости коллективной борьбы за «выживание русских» и «сохранение генофонда русской нации», организации коллективного отпора «инородческой опасности» в целях «защиты русского населения».

Наслаиваясь на настроения бытовой ксенофобии¹ и формуя их определенным образом, установки русского этнонационализма трансли-

1 См. подробнее: Гудков Л.Д. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета. 2005. 26 декабря: «Развал соцлагеря, а затем крах СССР ...актуализировали более примитивные (поскольку более архаические) слои массовых представлений и механизмы этнической солидарности, связанные с дистанцированием, отчуждением от других. В ситуации усиливающегося кризиса, нестабильности, дезориентированности акцент на собственной или чужой этнической принадлежности постепенно становился рутинным выражением социальных и групповых барьеров, коллективных привилегий, прав и претензий. ..Массовые состояния фрустрации, шока от начавшихся изменений, неуверенности в настоящем и страха перед будущим вызвали волну идеологического неотрадиционализма (ностальгии по империи, великой державе, по твердому порядку, утешительные переживания национальной гордости за

руются в повседневных коммуникациях, в публично-политическом и масс-медиа пространстве.

Легитимация прежде «запретного» языка этнонационализма осуществляется через различные средства информационно-медийной культуры.² «Информационные гнезда» в виде сайтов, «колец патриотических ресурсов», интернетных и «бумажных» газет и журналов, поддерживаемые активистами разных организаций и движений (от партий «Единая Россия», КПРФ и — до недавнего времени — «Родины» до таких радикальных организаций как Национально-державная партия России), наращивают массив текстов, содержащих «националистический» компонент.

В распространении этнонационалистического дискурса огромная роль принадлежит каналам российского телевидения. В новостных передачах, информационно-аналитических программах («Постскриптум» Алексея Пушкова, «Момент истины» Андрея Караулова, «Русский взгляд»), ток-шоу («Судите сами», «Народ хочет знать», «К барьеру»), «милицейских» и «спецназовских» сериалах, криминальных телерепортажх предлагаются жесткие формульные истории об угрозах для России со стороны этнических мигрантов, «лиц кавказской национальности», «евреев-олигархов» и прочее. Параллельно в телевизионных программах выстраиваются драматические повествования о жизни русского народа в условиях нищеты, вымирания, разрушении «уникальной русской духовности» средствами западной массовой культуры, о сознательном «геноциде русского народа», организуемом «врагами России».

Важное место в информационном продвижении этнонационалистического дискурса принадлежит развлекательным шоу и официозным праздничным концертам на телевидении (в честь МВД, ФСБ, МЧС и др.). Значительную долю в разрастание пространства такого рода вносит массовый кинематограф и популярная литература — военные и крими-

фантомы своего героического прошлого) и консервативного, защитно-компенсаторного национализма. Последний нашел свое выражение в росте как антизападнических настроений, усилении изоляционизма, с одной стороны, так и массовой, диффузной ксенофобии, неприязни к приезжим — с другой.»

2 См. об этом: Зверева Г.И. Националистический дискурс и сетевая культура России // Pro et contra. 2005. № 2 (9). С. 25-40

нальные боевики, детективы, в которых не только закрепляются формульные образы этнических «врагов» и «злодеев», но и утверждается правомерность «ответного» насилия как прямого защитного действия против этнической и этнорелигиозной опасности («этнические мигранты», «приезжие», «кавказцы», «исламисты»).

Варьируясь от набора защитно-агрессивных слоганов до прямых насильственных действий в отношении этнических «чужих», русский национализм уверенно заявляет о себе в идеологии и практиках разных политических партий, общественных организаций и движений.³

В Советском Союзе, который складывался с учетом принципов этнофедерализма и при этом сохранял в себе следы российско-имперской логики государственного строительства, ментальные установки такого рода занимали маргинальное положение. Практики «этнизации» содержания понятий *национальная республика, народ, нация, народность, национальное меньшинство* в советском государственном нормотворчестве и официальном языке перекрывались официальной идеологией интернационализма. Вместе с тем, «надэтническое», политическое значение слов *национальный* и *нация*, которое бы использовалось в связке

3 Изучение общественных настроений, идеологических установок, деятельности организаций и движений, транслирующих идеи ксенофобии, расизма, русского этнического национализма, проводится во многих академических институтах и специализированных центрах: Институт социологии РАН – Центр по изучению ксенофобии и проблем экстремизма, Институт этнологии и антропологии РАН, Левада-центр, Центр «Сова», Центр этнополитических исследований, ВЦИОМ, Центр «Общественное мнение», и др.. Результаты исследований представлены в кн.: Русские: Этносоциологические очерки / Под ред. Ю.В. Арутюнова и др. М., 1992; Малахов В.С. Ностальгия по идентичности // Логос. 1999. № 3; Малахов В.С. Осуществим ли в России русский проект? // Отечественные записки. 2002. № 3; Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. М., 1999; Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова и др. СПб., 2002; Социальные неравенства этнических групп; Представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003; Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004; Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М., 2004; Гудков В.Д., Дубин Б.В. Своеобразие русского национализма // Pro et contra. 2005. № 2 (9). С. 6-24; Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. Сост. А. Верховский. М., 2005; Путиами несвободы / Сост. А. Верховский. М., 2005; Русский национализм. Идеология и настроение / Сост. А. Верховский. М., 2006.

с понятиями *государственный* и *государство*, в советском дискурсе было слабо выражено. В позднесоветский период в официальном идеологическом пространстве стала возвышаться идея советской *государственной нации*, которая выражала себя в различных символических объединительных «скрепах» и, прежде всего, — в концепте *советский народ как новая историческая общность*.

На рубеже 1980—1990-х годов, в процессе разрушения официального языка, формировавшего дискурс *общенародного единства* вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, произошло размывание и смешение жестко сегментированных дискурсивных практик, которые обосновывали структурно-номенклатурное устройство советского государства и общества. Лакуны, образовавшиеся в общественно-политическом метадискурсе, содействовали распространению феномена «безъязычия» в пространстве социальных коммуникаций. В условиях системного кризиса верховной государственной власти возросла значимость этноцентристских форм самопредставления в союзных республиках СССР.

После распада Советского Союза укрепление этноцентристских тенденций в ряде «национальных» регионов Российской Федерации повлекло за собой рост «тревожных» умонастроений у той части российских граждан, которые в опытах личной и групповой идентификации соотносили себя с воображаемой социально-исторической гомогенной целостностью — русской этнической общностью. Их опасения по поводу возможного ущемления исторических, культурных, политических прав русской этнической общности внутри нового Российского государства и в пространстве «ближнего зарубежья» во многом обуславливались противоречивыми последствиями сдвигов в социально-экономической и политической сферах жизни России 1990-х годов. В этих настроениях присутствовали сильные «защитно-ностальгические» реакции, которые поддерживались активностью русскоязычных групп в защиту своих прав в Латвии, Украине, Казахстане и ряде других государств, образовавшихся на постсоветском пространстве.

На протяжении 1990-х годов «русские» этноцентристские установки активно использовались в практиках радикальных общественно-политических движений (например, «Память», Конгресс русских общин и

др.) и ряда новых политических партий (Либерально-демократическая партия России, «Родина» и др.) для расширения собственной социальной и электоральной базы. А на региональном уровне многие местные элиты открыто включали «этнический» компонент в свой ресурс власти. Война в Чечне, которая была официально представлена как действия российской федеральной власти против этнополитического сепаратизма, усилила процессы трансформации «прорусских» общественных настроений в этнонационализм.

Процесс формирования дискурса русского этнически-ориентированного национализма заметно ускорился во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов в связи с официальными поисками «национальной идеи России», которые были инициированы федеральной властью и поддержаны различными партиями и движениями. В русле споров и предложений о содержании общей «национальной идеи» новое дыхание обрели давние общественные дискуссии о цивилизационной специфике российской истории и российской государственности, об «особом месте России в мире» в прошлом и настоящем.⁴

Определенным стимулом для закрепления идей русского этнического национализма в идеологической системе российского государства стало официальное позиционирование Российской Федерации в качестве правопреемницы Советского Союза. Тому же содействует прагматика национально-государственного строительства на основе адаптации принципов советского этнофедерализма и этнополитических принципов управления к новым демографическим реалиям (по результатам официальных Переписей населения констатируется численное преобладание этнических русских в новом государстве).⁵

В настоящее время идеи «низового» этнического национализма вышли из маргинальной сферы и перемещаются в «мейнстрим» общественного сознания и социально-политических практик. На этот факт об-

4 См. об этом, например: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии фонда «Либеральная миссия». М., 2003.

5 Подробнее об этом см.: Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. Социологический очерк. М., 1996; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003.

ращают внимание многие российские аналитики.⁶ Эти процессы подпитываются радикальными националистическими устремлениями в пользу «русского реванша» и этнократическими установками некоторых влиятельных представителей новых региональных элит.

Вместе с тем, реализуемый федеральной властью с начала 2000-х годов курс на построение «вертикали» государственного управления ведет к тому, что понятие *национальный* (проект, интерес, действия) в официальном лексиконе все чаще используется в его *общегосударственном*, политическом значении, а также как синоним слова *общенародный*. При этом концепт *государственной нации*, содержание которого трудно и противоречиво формируется в российском правовом и публично-политическом пространстве, подчиняет (если не полностью заменяет) концепт *гражданской нации*.

Укрепление тенденции единения *государства и общества* в *государственную нацию* как целостный политический организм пока выглядит больше как официальный проект консолидации российского социума вокруг федеральной власти. Процесс его оформления сдерживается одновременным расширением конкурирующего употребления слова *национальный* в значении *этнический* как на локально-региональном, так и на общегосударственном уровне.

В таком «зазоре» возникают возможности для продвижения в обществе радикальных «этнических русских» и региональных этнокультурных идей. В этих условиях дискурс русского этнонационализма оказывает заметное воздействие на конфигурации формирующегося официального дискурса государственной нации. Функцию своеобразного «моста» между ними выполняет формула о «государствообразующей», консолидирующей роли *русского народа (суперэтноса)* в национально-государственной истории России и в современном государственном строительстве Российской Федерации.

6 Таково, например, суждение политолога Марка Урнова: «В условиях дефицита либерализма в России резко увеличивается опасность агрессивного национализма и ксенофобии. Националистические настроения у нас нарастают у нас довольно давно. Но откровенно демонстрировать зоологический национализм позволяли себе немногие. Это было стыдно: мешали либеральные «предрассудки». Сегодня они отбрасываются. Национализм начинает отождествляться с патриотизмом, быть националистом становится модно» (Новая газета. 07.06.2004).

В конечном счете, в общероссийском лексиконе идея «государства-нации» (государственный национализм) обретает сильные имперские, ностальгические и компенсаторные коннотации. Об этом наглядно свидетельствуют тексты документов, источниками которых являются законодательные органы власти.

2 Концептуализация государственного национализма в законодательной системе

Идея *государственной нации* была впервые представлена в тексте российской Конституции 1993 года и выражена посредством понятия *многонациональный народ*. Введение такого понятия в основные нормативные документы нового российского государства свидетельствовало о стремлении федеральной власти и общества к формированию российской общегражданской идентичности. *Многонациональный народ* России конституировался на правовой основе в рамках отношений между гражданами и государством (безотносительно принадлежности групп населения к этническому большинству или меньшинству):⁷

«Статья 3.1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ...

Статья 6.2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации...

Статья 26.1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность...»

Вместе с тем, несмотря на сильно выраженную «гражданскую» интенцию, понятийно-терминологический состав этого документа выглядит в определенной степени специфическим по отношению к международным правовым документам, поскольку, в отличие от принятых норм, в содержании базовых понятий *национальный, народ, национальное меньшинство, национальное развитие, национальная принадлежность* преобладает этнический, а не общегосударственный и гражданский компоненты.

7 Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года (http://www.consultant.ru/popular/cons/1_1.html).

Двойственность содержания этих и других слов, призванных обозначать особенности федеративного устройства российского государства, была закреплена и усилена (в пользу «этнополитического» и «этнокультурного») в текстах конституций республик в составе РФ, принятых в середине 1990-х годов.⁸ В дальнейшем она стала воспроизводиться и в других документах законодательной и исполнительной власти. Толкование этих понятий в текстах российских законов и их рабочее применение неоднократно становились предметом критического обсуждения в экспертном сообществе.⁹ Тем не менее, терминологические противоречия такого рода не только воспроизводятся в важнейших документах государственной власти, но имеют тенденцию к их углублению.

-
- 8 См., например, сб. статей: Правовые аспекты этнических отношений в России / под ред. Н.А. Ворониной и М. Галдия. М., 2004. На терминологические противоречия в содержании документов официального происхождения и ангажированность способов их политического применения постоянно обращает внимание В.А. Тишков: «Наше осмысление «национальных проблем» за последние годы отошло если не назад, то куда-то далеко в сторону. Наша теория, законы и политические документы остаются такими же саморазрушительными, как они были в СССР. ...Если в Конституцию записали о «многонациональном народе», тогда следует забыть о стране как нации, о лидере нации, о здоровье нации, о национальной экономике или национальной идее. Все это может быть только «многонациональным» или «общенациональным» (Тишков В.А. После многонациональности: Культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. 2003. № 3 (<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/tishh-pr.html>)).
- 9 Детальный дискурсивный анализ текста Конституции РФ и конституций республик в составе РФ содержится в статье: Соколовский С.В. Концептуализация этнического в российском конституционном праве. http://www.indepsocres.spb.ru/library/sokolovs_2.doc. Автор статьи правомерно замечает: «Российский дискурс в сфере национальной политики высоко специфичен и устанавливает особые, редко вне его рамок встречающиеся типы связей между гражданским и этническим самосознанием. .. Проблема в том, ...что мы сталкиваемся с неопределенностью границ дискурсивного поля. Остается неясным, имеем ли мы дело с единым, выстроенным по общему плану и логике дискурсом, отражающим современное состояние российского конституционного права, или мы сталкиваемся с набором плохо соотносимых дискурсивных образований, часть смыслов которых не поддается генерализации. ... Появление в дискурсе хотя бы одного нового понятия преобразует значения и связи всех остальных, хотя бы косвенно. Именно в силу этого наличие в российском дискурсе неизвестных Западу понятий и терминов превращает известные в узнаваемые с трудом и, скорее, по словоформе, нежели по содержанию и референциальному объему. Вот почему, с моей точки зрения, тему взаимосвязей между гражданскими и этническими идентичностями в России мы должны рассматривать как бы заново, «с чистого листа» – слишком много новых понятий и терминов влилось в дискурс совсем недавно и коренным образом изменило прежние понятия и термины».

В 1996 году указом первого Президента Российской Федерации была утверждена Концепция государственной национальной политики РФ, разработанная на основе новых конституционных актов.

Ее основу составили следующие положения:¹⁰

«Российская Федерация - одно из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживает более ста народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры.

Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов...

Национальная политика должна выражать интересы граждан и обеспечивать реализацию предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан, связанных с их национальной принадлежностью. Реализация этих прав и свобод может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов в Российской Федерации с учетом разрозненного проживания многих народов на ее территории...

Основополагающим требованием к программе национально-культурного развития каждого народа является учет органического единства традиций и новаций, бережное отношение к традициям, обычаям и иным ценностям, а также институтам, отражающим особенности культуры каждого народа и общие ценности Российского государства.

Межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности.

Потребности и интересы русского народа должны в полной мере найти отражение в федеральных и региональных программах, постоян-

10 Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная указом Президента РФ №909 от 15.06.1996 (http://www.scrf.gov.ru/documents/degree/1996_909.shtml).

но учитываться в политической, экономической и культурной жизни республик и автономных образований Российской Федерации. Не меньшее значение имеет решение комплекса проблем народов республик, автономных образований, а также национальных общностей, проживающих в других субъектах Российской Федерации, обеспечение соответствующего представительства народов Российской Федерации в органах государственной власти и органах местного самоуправления».

В этом документе в полной мере обнаруживает себя амбивалентность использования базовых понятий, с помощью которых раскрывается содержание государственного устройства, «государственной национальной политики» и ее основные направления.

Ключевое слово *национальный* используется в тексте как в государственно-политическом значении, так и в этнокультурном. При этом понятие *многонациональный народ* России, введенное Конституцией Российской Федерации в его общегражданском значении, не нашло своего места в новом документе. Слово *народ* (*народы*) употребляется исключительно в этническом смысле. Основную же концептуальную нагрузку в тексте несет понятие *многонациональное государство*.

Российская Федерация определяется как *многонациональное государство*, конгломерат *народов* (в том числе *коренных*), *этнических* (*национальных*) *общностей* и *национальных меньшинств*. В соответствии с таким определением на первый план выступает общегосударственное начало (с определенными советскими этнофедералистскими коннотациями в духе «дружбы народов»). Согласно тексту, *межнациональные* взаимоотношения между *народами*, входящими в РФ, выстраиваются с помощью *национальной политики* и специальных программ *национально-культурного развития*. Тем самым реализуются «предусмотренные Конституцией Российской Федерации права и свободы граждан, связанные с их национальной принадлежностью». Понятие *национальная принадлежность* тоже представлено исключительно в этническом, а не в общегражданском смысле.

В роли гаранта устойчивости *многонационального государства* выступает *русский народ* (понимаемый как этническая общность), который «является опорой российской государственности». Как подчеркивается в тексте документа, «благодаря объединяющей роли русского на-

рода на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов»; именно поэтому от его «национального самочувствия» и учета его «потребностей и интересов» во многом зависит стабильность «межнациональных отношений» в современном российском государстве.

Весь текст этого документа носит компромиссный характер. Он создавался в сложных социально-политических условиях середины 1990-х годов, в остром противоборстве различных тенденций (попытки укрепления центральной федеральной власти, «парад суверенитетов» в российских «национальных республиках») и столкновении принципиально разных концепций будущего развития российского государства и общества.¹¹

Продолжение поиска «национальной» объединительной идеи нашло свое выражение в начале 2000-х годов в новых официальных версиях государственного нациестроительства. Одна из них представлена в проекте Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ», который был внесен депутатами Государственной

11 О социально-политическом контексте создания документа «Концепция национальной политики» см. подробно: Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России (=Институт этнологии и антропологии РАН. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 100). М., 1996 (<http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/12092002003237.htm>). Описывая процесс подготовки этого документа, В.А. Тишков, как один из его составителей, подробно характеризовал трудности, которые постоянно возникали в ходе работы (текст статьи был написан тогда же, в 1996 году). В качестве главных факторов, повлиявших на идейное содержание концепции и выбор терминологического аппарата, автор называл власть теории и языка советского обществознания над российским обществом и конфликты политических интересов на федеральном и региональном уровнях. В.А. Тишков отмечал, что в этом документе удалось избежать применения слова «нация», поскольку оно тогда понималось лишь в привычном значении как «высший тип этнической общности»: «Язык концепции, включая базовые категории, был намеренно избран наименее спорным и конфронтационным, оставляющим поле для дальнейших доктринальных поисков и стратегий в радикально преобразующемся государстве. Вместо терминов “нация” и “меньшинства” были использованы не менее легитимные и достойные понятия “народы”, “национальности” и “этнокультурные общности” как синонимы без категоризации конкретных народов как наций, народностей или национальных групп, чем грешило российское обществознание, а вслед за ним – и политика». Понимание гражданской нации как «многоэтнической государствообразующей общности», по мнению автора, тогда еще не сложилось ни в российском обществе, ни в структурах власти, поэтому не было никакой возможности ввести его в текст Концепции.

Думы (В.И. Никитин, С.К. Смирнова, А.А. Аслаханов и др.) впервые в 2003 году.¹²

Первоначально этот документ создавался с целью заменить собой Концепцию государственной национальной политики 1996 года, однако, по мере его трудного многократного обсуждения в структурах федеральной и региональной законодательной власти его вид (от Концепции к законопроекту¹³), название, содержание, авторский состав претерпели серьезные изменения. Сопоставление трех разных редакций этого документа (2003 год, начало и конец 2006 года) позволяет увидеть тесную взаимозависимость между динамикой дискурса «государства-нации» и меняющимся социально-политическим контекстом его бытования.

Основу законопроекта 2003 года составляет следующее положение:

«Государственная национальная политика Российской Федерации — деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению национального развития народов Российской Федерации, согласования государственных интересов и национальных интересов народов Российской Федерации, единства и целостности Российской Федерации... Государственная национальная политика основывается на следующих принципах: сохранения государственной целостности и федеративного устройства Российской Федерации; равенства прав граждан и народов Российской Фе-

12 См. Проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» №369190-3, внесенный депутатами Государственной Думы (В.И. Никитин, С.К. Смирнова, А.А. Аслаханов и др.), 22.09.2003 (<http://www.legislature.ru/monitor/raznoe/369190-3/html>).

13 Здесь уместно привести еще одно высказывание В.А. Тишкова, который в начале 1990-х годов занимал должность Председателя Государственного комитета по национальной политике: «В отличие от текстов законов, а тем более основного закона – конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными предписаниями для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров крайне велика: закон – это более консервативный текст, обычно оформляющий уже существующую практику; концепция – это официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, инициируемых властями». Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России (=Институт этнологии и антропологии РАН. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 100). М., 1996 (<http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/12092002003237.htm>).

дерации на национальное развитие; признания объединяющей роли русского народа, его языка и культуры в российском обществе; свободного определения каждым гражданином своей национальной принадлежности... ».

В документе сделан сильный упор на раскрытие содержания основных понятий, с помощью которых постулируются принципы *национальной политики* Российской Федерации. В тексте сохраняется двойственность содержания слова *национальный*, используемого попеременно то в «общегосударственном», то в «этнонациональном» значениях. При этом проводится отчетливое разграничение понятий *граждане* и *народы*, *государственные интересы* и *национальные интересы*. *Народ* представлен как этническая общность. Содержание понятия *национальное развитие* также однозначно подразумевает «этническое» (этнокультурное).

Рассмотрение семантики базовых слов этого документа обнаруживает внутреннюю противоречивость дискурса:

«Народ (этнос, национальная (этническая) общность) — представляющая естественно сложившуюся, относительно устойчивую, компактно или дисперсно расселенную совокупность лиц с общей исторической памятью, относящая себя к определенной национальной принадлежности, объединенная общим историческим происхождением, наличием родного языка, национальной культуры, традиционным образом жизни;

коренные малочисленные народы — народы, проживающие в местах традиционного проживания своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, традиционное хозяйство и промыслы, и насчитывающие менее 50 тысяч человек;

национальные меньшинства — народы или часть народа постоянно, компактно или дисперсно, проживающие на территории Российской Федерации, не имеющие в составе Российской Федерации своих национально-государственных или национально-территориальных образований и не относящиеся к коренным малочисленным народам;

национальная (этническая) принадлежность (национальность) — принадлежность лица, народа к определенной национальной (эт-

нической) общности, определяемой на основе свободного волеизъявления;

национальная культура — совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных в процессе жизни (жизнедеятельности) народа;

национальное самосознание — самоосознание лицом или группой лиц своей принадлежности к определенной национальности;

национализм — представление об исключительности, превосходстве либо неполноценности одного народа перед другими народами;

национальные (межнациональные, межэтнические) отношения — отношения, складывающиеся в ходе взаимодействия лиц, народов (этносов) по поводу реализации ими своих национальных интересов;

межнациональные (межэтнические) конфликты — действия лиц — представителей одного или нескольких народов (этносов), направленные на возбуждение национальной вражды, унижения национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности лиц, народов по признаку их национальной принадлежности...»

Предлагаемые авторами документа «расшифровки» значений базовых понятий с привычной апелляцией к примордиализму выглядят осовремененной версией их «обществоведческой» реификации. Это выражено в содержании таких понятий, как *национальная самобытность*, *национальная самоидентификация*, *национальная принадлежность*, трактуемых исключительно в этническом, а не в общегосударственном и гражданском смыслах:

«Граждане Российской Федерации имеют право на национальную самобытность, то есть лично или совместно с другими лицами сохранять, выражать и развивать свои культурные, языковые и иные этнокультурные особенности, не ущемляя соответствующие права лиц другой национальности. Запрещаются любые действия, направленные на

принудительную ассимиляцию лиц по признаку национальной принадлежности.

Граждане Российской Федерации имеют право на национальную (этническую) самоидентификацию, то есть свободно определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. С согласия гражданина и в соответствии с законодательством Российской Федерации его национальная принадлежность может быть удостоверена документально в письменной форме с учетом национальных традиций именованья».

Кульминационной точкой текста является положение о «правах народов России» и особой роли и правах *русского народа*. «Права народов» рассматриваются также только в их этническом «измерении»:

«Народы России равноправны. Каждый народ имеет право на сохранение и развитие своей исторической, национальной, культурной и языковой самобытности...

Русский народ, один из коренных народов Российской Федерации, является опорой российской государственности и несет основную ответственность за развитие и обеспечение благополучия и процветания Российского государства. Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации во многом определяется самосознанием и интернациональным менталитетом русского народа. Представители русского народа не могут рассматриваться как национальные меньшинства на территории Российской Федерации. Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления при разработке и реализации федеральных, региональных и местных программ социально-экономического и национально-культурного развития народов Российской Федерации обязаны учитывать потребности и интересы русского народа. Положения настоящей статьи не ущемляют прав других народов Российской Федерации.»

По сравнению с Концепцией национальной политики 1996 года этот документ более властно формулирует тезис о приоритетной роли этнического компонента в строительстве «государства — нации» по отношению к общегражданскому.

В начале 2006 года после очередной переработки проекта Федерального закона об основах национальной политики он был представлен в принципиально ином виде — с изменившимся составом авторов (во главе с новым председателем Государственного комитета по национальной политике Е. Трофимовым) и обновленным содержанием понятийного аппарата.¹⁴

Из преамбулы следует, что этот законопроект составлен в соответствии с текстами Российской Конституции, Концепции национальной политики 1996 года и других нормативных документов. По замыслу составителей, документ должен устанавливать «принципы и цели государственной национальной политики Российской Федерации, основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в целях обеспечения единства и целостности Российской Федерации, согласования общегосударственных интересов и интересов народов Российской Федерации, утверждения общегражданской идентичности — российской нации». Однако свод базовых понятий, вынесенных авторами документа в отдельную статью законопроекта, свидетельствует о том, что «этнонациональное» и «национально-гражданское» в этом тексте, как и в ранней его редакции, конкурируют внутри текста, механически смешиваются, образуя сумму «национально-государственного»:

«Государственная национальная политика Российской Федерации — система мер, осуществляемых государством по обеспечению конституционных прав народов и граждан Российской Федерации на самобытное национально-культурное развитие всех этнических общностей, независимо от численности и вероисповедания, гармонизации межнациональных отношений, основанных на единстве многонационального народа Российской Федерации, и дальнейшем укреплении общегражданской идентичности — российской нации;

государствообразующие народы Российской Федерации - народы, исторически сложившиеся на территории Российской Федерации, имеющие национально-территориальные образования внутри страны и участвующие в процессе формирования российской государственности;

14 Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект) (<http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/BylID/3A2741584A914D6B432571BB005B7A6E?OpenDocument>).

коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее - малочисленные народы) — народы, проживающие на территориях исторического расселения, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями;

многонациональный народ Российской Федерации — обобщенное понятие всей совокупности проживающих на территории Российской Федерации этнических общностей, представляющих собой русский народ, народы, давшие название субъектам Российской Федерации, национальные меньшинства и коренные малочисленные народы Российской Федерации;

межэтнические отношения — совокупность политических, социально-экономических, культурных, языковых и иных отношений между национальными (этническими) общностями;

народ (этнос) — исторически сложившаяся, устойчивая, компактно или дисперсно расселенная на территории Российской Федерации совокупность лиц определенной национальной принадлежности, объединенных общностью исторического происхождения, языка, культурных ценностей и самосознания;

национально — культурное развитие народов — удовлетворение социально-экономических и культурно-духовных потребностей этнических общностей на территории Российской Федерации;

национальная (этническая) принадлежность (национальность) — идентификация лицом самого себя с определенной этнической общностью, определяемая на основе свободного волеизъявления;

национальные меньшинства — народы или часть народа, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, не имеющие в составе Российской Федерации своих национально-государственных или национально-территориальных образований и не относящиеся к коренным малочисленным народам;

общегражданская идентичность — осознание гражданами Российской Федерации своей принадлежности к российской нации;

российская нация — историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судь-

бой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства;

самоопределение народов — право народов самостоятельно решать вопросы общественного самоуправления, социального и культурного развития в Российской Федерации, не нарушая ее территориальной целостности».

Появление в документе таких слов как *общегражданская идентичность*, *российская нация* выглядит важным маркером качественных изменений, наметившихся в определении вектора *национальной политики* государства. Однако значение понятия *российская нация* выглядит синонимичным слову *многонациональный народ*, перенесенному из Конституции РФ, и определяется привычным историко-эволюционным этническим «измерением». Главным в содержании вводимого понятия является мысль о том, что *народ-нация* объединен «созидательной деятельностью по укреплению единого государства». Иначе говоря, это установка об огосударствлении *нации*, создании *государственной нации* (хотя в текст документа введено понятие *гражданской нации*), что обуславливает соответствующее истолкование *общегражданской идентичности*, то есть, *гражданское* оказывается подчиненным *государственному*.

Ряд базовых понятий в этом документе по-прежнему сохраняет в себе следы советской обществоведческой «архаики». Это — значения слов *государствообразующий народ*, *коренной малочисленный народ*, *национальное меньшинство*.

Но «переходность» концепции законопроекта обнаруживает себя в том, каким образом в ней представлено понятие *русский народ*. В определении слова *многонациональный народ* он занимает высшее место в иерархии этнических общностей. В документе имеется также специальная статья «Русский народ в Российской Федерации», где он признается «государствообразующим народом, самоопределившимся на всей территории Российской Федерации». Однако разработчики законопроекта исключили из новой версии формулировки предшествующего документа, согласно которым *русский народ* является «опорой российской государственности» и несет «основную ответственность за обеспечение благополучия и процветания Российского государства».

После очередного витка публичных обсуждений этот проект Федерального закона осенью 2006 года вернулся в комитет Госдумы по делам национальностей, изменившись по наименованию и содержанию. Обновленная редакция законопроекта получила название «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений».¹⁵

Замена ключевого слова *национальная политика* на понятие *политика в сфере межэтнических отношений* уже сама по себе выглядит радикальной по отношению к сложившемуся официальному языку описания.

В статье «Основные понятия» тоже заметны качественные перемены. Из нее исчезли слова *государствообразующие народы* и *коренные малочисленные народы*. Принципиально изменилось содержание понятия *многонациональный народ*, из которого ушел принцип этнической иерархии:

«Многонациональный народ Российской Федерации — общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности российской нации»

Более строгую форму приобрело содержание понятия *российская нация*, из которого удалены «скрепляющие» формулы об «общей исторической судьбе» и «совместной созидательной деятельности по укреплению единого государства»:

«Российская нация — общегражданская общность, консолидированная на основе единого государства».

Что касается «особого» статуса русского народа, то в статье «Государственные гарантии равноправия народов» он выражен в «смягченном» виде. Из содержания понятия исчезло слово *государствообразующий*:

«Народы Российской Федерации пользуются равными правами и свободами и имеют равные обязанности. Русский народ, самоопределившийся на всей территории Российской Федерации, был и остается

15 Федеральный закон «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации» (проект) (<http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/>).

социальной, языковой и культурной основой гражданской российской нации».

По характеру изменений, произошедших в содержании проекта Федерального закона «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений», можно заметить, что его «государственно-национальные» ориентиры подверглись корректировке в сторону утверждения приоритета *гражданской российской нации*. Однако, как показывает ход нового этапа обсуждения законопроекта, именно из-за «расставания с прошлым» этот документ уже успел получить немало негативных оценок от политиков, государственных деятелей федерального и регионального уровней.¹⁶

Во всех вышеназванных текстах законодательных документов наблюдается зависимость способов концептуализации *нации* от соотношения «постоянных» и «переменных величин» в социально-политической и интеллектуальной жизни России 1990-х — начала 2000-х годов.

«Постоянными величинами» остаются статьи Российской Конституции и установки о преемстве Российской Федерации с «тысячелетней историей» Российского государства и СССР. Отсюда верность формуле *многонациональный народ* и традициям государственного строительства с определяющим ее содержание *этническим* компонентом. Это также — напоминание о том, что для Российской империи был важен принцип надэтнического патернализма в отношении «национальных окраин», а для Советского Союза — принцип этнофедерализма. К разряду «постоянных величин» можно отнести важный элемент, в разной степени присутствующий в обоих текстах, — идея цивилизационного своеобразия

16 Примером такой негативной реакции служит, например, характер обсуждения текста этого законопроекта в Областной думе города Саратова. Так, участница дискуссии, сотрудница региональной общественной организации заметила: «Меня не устраивает неконкретность документа. Русский народ почему-то не назван коренным. Много говорится о коренных малочисленных народах, а о коренных многочисленных — ничего. Получается, русскому народу — никаких гарантий. Сам документ порождает конфликт». Журналист местной газеты подвел итог: «Общим мнением участников дискуссии стало следующее: дать четкие определения словам «этнос», «малочисленные народы», а также определить роль русского народа в законопроекте и расписать бюджетные отношения». См.: Неделя области. Газета Саратовской областной думы. 2006. № 56 (275) (<http://www.nedelia.ru/?nums-2006-056-page3>).